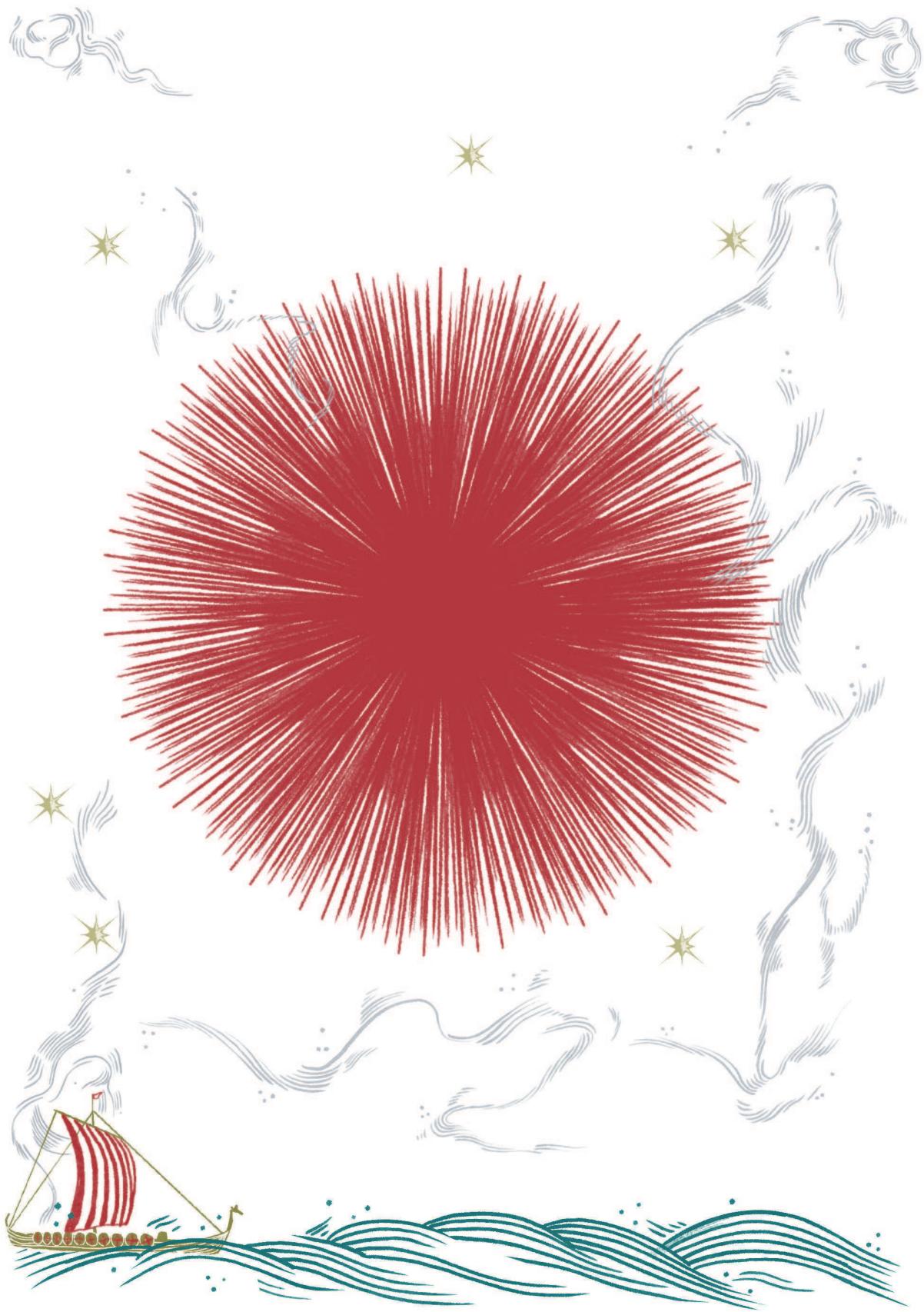
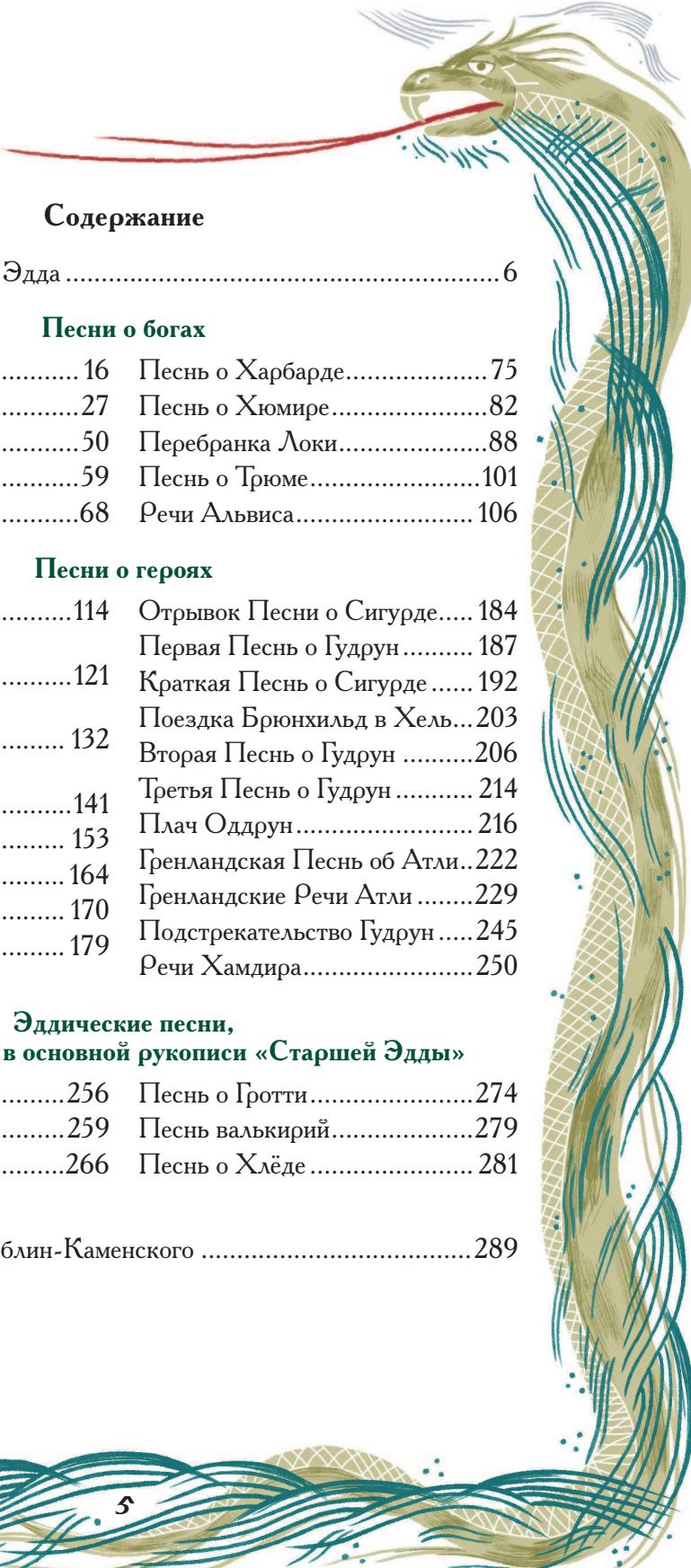

 БОМБОРА
издательство
Москва

Содержание

А. Я. Гуревич. Старшая Эдда 6

Песни о богах

Прорицание вёльвы	16	Песнь о Харбарде.....	75
Речи Высокого.....	27	Песнь о Хюмире.....	82
Речи Вафтруднира	50	Перебранка Локи.....	88
Речи Гrimнира	59	Песнь о Трюме.....	101
Поездка Скирнира.....	68	Речи Альвиса.....	106

Песни о героях

Песнь о Вёлунде	114	Отрывок Песни о Сигурде....	184
Песнь о Хельги Сыне		Первая Песнь о Гудрун	187
Хьёварда.....	121	Краткая Песнь о Сигурде	192
Первая Песнь о Хельги		Поездка Брюнхильд в Хель...	203
Убийце Хундинга	132	Вторая Песнь о Гудрун	206
Вторая Песнь о Хельги		Третья Песнь о Гудрун	214
Убийце Хундинга	141	Плач Оддрун	216
Пророчество Грипира.....	153	Гренландская Песнь об Атли..	222
Речи Регина.....	164	Гренландские Речи Атли	229
Речи Фафнира.....	170	Подстрекательство Гудрун	245
Речи Сигрдривы	179	Речи Хамдира.....	250

Эддиические песни, сохранившиеся не в основной рукописи «Старшей Эдды»

Сны Бальдра	256	Песнь о Гrottи.....	274
Песнь о Риге.....	259	Песнь валькирий.....	279
Песнь о Хюндле	266	Песнь о Хлёде	281

Комментарии М. И. Стеблин-Каменского 289

Старшая Эдда

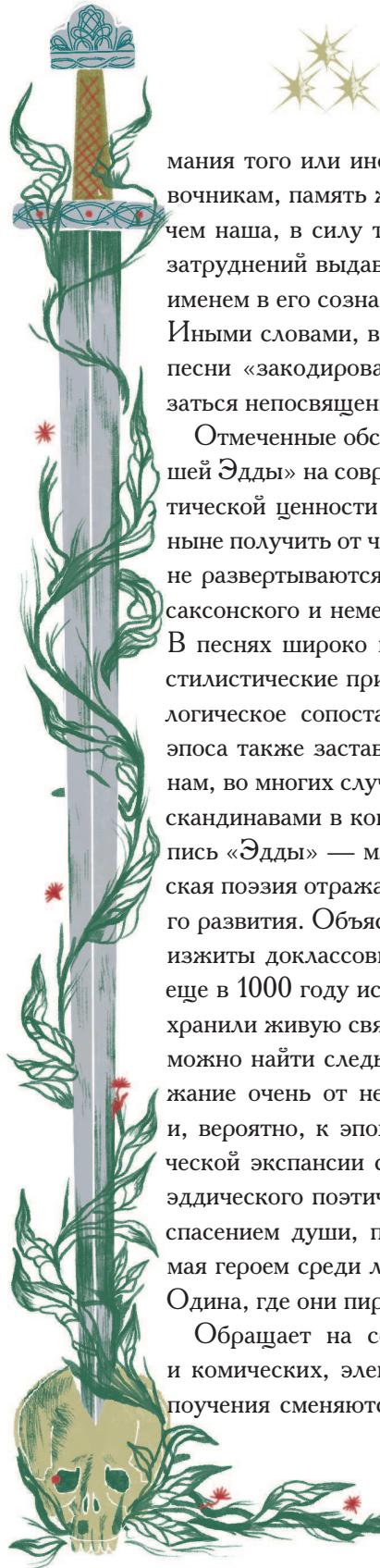
Песни о богах и героях, условно объединяемые названием «Старшая Эдда»¹, сохранились в рукописи, которая датируется второй половиной XIII века. Неизвестно, была ли эта рукопись первой либо у нее были какие-то предшественники. Предыстория рукописи так же неизвестна, как и предыстория рукописи «Беовульфа». Существуют, кроме того, некоторые другие записи песен, также причисляемых к эддическим. Неизвестна и история самих песен, и на этот счет выдвигались самые различные точки зрения и противоречащие одна другой теории. Диапазон в датировке песен нередко достигает нескольких столетий. Не все песни возникли в Исландии: среди них имеются песни, восходящие к южно-германским прототипам; в «Эдде» встречаются мотивы и персонажи, знакомые по англосаксонскому эпосу; немало было, видимо, принесено из других скандинавских стран. Не останавливаясь на бесчисленных контроверзах по поводу происхождения «Старшей Эдды», отметим только, что в самом общем виде развитие в науке шло от романтических представлений о чрезвычайной древности и архаической природе песен, выражавших «дух народа», к трактовке их как книжных сочинений средневековых ученых-«антикваров», которые подражали стариинной поэзии и стилизовали под миф свои религиозно-философские воззрения.

Ясно одно: песни о богах и героях были популярны в Исландии в XIII веке. Можно полагать, что, по крайней мере, часть их возникла намного раньше, еще в бесписьменный период. В отличие от песен исландских поэтов-скальдов, почти для каждой из коих мы знаем автора, эддические песни анонимны. Мифы о богах, рассказы о Хельги, Сигурде, Брюнхильд, Атли, Гудрун были общенародным достоянием, и человек, пересказывавший или записавший песнь, даже пересоздавая ее, не считал себя ее автором. Перед нами — эпос, но эпос очень своеобразный. Это своеобразие не может не броситься в глаза при чтении «Старшей Эдды» после «Беовульфа». Вместо пространной, неторопливо текущей эпопеи здесь перед нами — динамичная и сжатая песнь, в немногих словах или строфах излагающая судьбы героев или богов, их речи и поступки. Специалисты объясняют эту необычную для эпического стиля спрессованность эддических песен спецификой исландского языка. Но нельзя не отметить и еще одно обстоятельство. Широкое эпическое полотно, подобное «Беовульфу» или «Песни о нibelунгах», вмещает в себя

СТАРШАЯ ЭДДА

несколько сюжетов, множество сцен, объединяемых общими героями и временной последовательностью, тогда как песни «Старшей Эдды» обычно (хотя и не всегда) сосредоточивают внимание на одном эпизоде. Правда, большая их «отрывочность» не мешает наличию в тексте песен разнообразных ассоциаций с сюжетами, которые разрабатываются в других песнях, вследствие чего изолированное чтение отдельно взятой песни затрудняет ее понимание, — разумеется, понимание современным читателем, ибо средневековые исландцы, можно не сомневаться, знали и остальное. Об этом свидетельствуют не только разбросанные по песням намеки на события, в них не описываемые, но и кеннинги². Если для понимания кеннинга типа «земля ожерелий» (женщина) или «змея крови» (меч) достаточно было лишь привычки, то такие кеннинги, как, например, «страж Мидгарда», «сын Игга», «сын Одина», «потомок Хлодюн», «муж Сив», «отец Магни» или «хозяин козлов», «убийца змея», «возничий», предполагали у читателей или слушателей знание мифов, из которых только и можно было узнать, что во всех случаях подразумевался бог Тор.

Песни о богах и героях в Исландии не «разбухали» в обширные эпopeи, как это имело место во многих других случаях³. Конечно, сама по себе длина поэмы мало о чем говорит, но контраст тем не менее разительный. Сказанное не означает, что эддическая песнь во всех случаях ограничивалась разработкой одного эпизода. В «Прорицании вёльвы» сохранилась мифологическая история мира от его создания и до предрекаемой колдуньей гибели вследствие проникшего в него зла и даже до возрождения и обновления мира. Ряд этих сюжетов затрагивается и в «Речах Вафтруднира» и в «Речах Гrimнира». Эпический охват характеризует и «Пророчество Грипира», где как бы резюмируется весь цикл песен о Сигурде. Но самые широкие картины мифологии или героической жизни в «Старшей Эдде» всегда даются очень лаконично и даже, если угодно, «конспективно». Эта «конспективность» особенно видна в так называемых «тулах» — перечнях мифологических (а иногда и исторических) имен⁴. Нынешнего читателя обилие имен собственных, даваемых к тому же без дальнейших пояснений, ставит в тупик, — они ничего ему не говорят. Но для скандинава того времени дело обстояло совершенно не так! С каждым именем в его памяти связывался определенный эпизод мифа или героической эпопеи, и это имя служило ему как бы знаком, который обычно нетрудно было расшифровать. Для пони-

мания того или иного имени специалист вынужден обращаться к спра-
вочникам, память же средневекового исландца, более емкая и активная,
чем наша, в силу того, что приходилось полагаться только на нее, без
затруднений выдавала ему нужную информацию, и при встрече с этим
именем в его сознании развертывался весь относящийся к нему рассказ.
Иными словами, в сжатой и сравнительно немногословной эддической
песни «закодировано» куда больше содержания, чем это может пока-
заться непосвященному.

Отмеченные обстоятельства — то, что некоторые черты песен «Стар-
шей Эдды» на современный вкус кажутся странными и лишенными эсте-
тической ценности (ибо какое же художественное наслаждение можно
ныне получить от чтения неведомо чьих имен!), равно и то, что песни эти
не развертываются в широкую эпопею, наподобие произведений англо-
саксонского и немецкого эпоса, — свидетельствуют об их архаичности.
В песнях широко применяются фольклорные формулы, клише и иные
стилистические приемы, характерные для устного стихосложения. Типо-
логическое сопоставление «Старшей Эдды» с другими памятниками
эпоса также заставляет отнести ее генезис к весьма отдаленным време-
нам, во многих случаях к более ранним, чем начало заселения Исландии
скандинавами в конце IX — начале X века. Хотя сохранившаяся руко-
пись «Эдды» — младшая современница «Песни о nibelungах», эддиче-
ская поэзия отражает более раннюю стадию культурного и общественно-
го развития. Объясняется это тем, что в Исландии в XIII веке не были
изжиты доклассовые отношения и несмотря на принятие христианства
еще в 1000 году исландцы усвоили его сравнительно поверхностно и со-
хранили живую связь с идеологией языческой поры. В «Старшей Эдде»
можно найти следы христианского влияния, но в целом ее дух и содер-
жание очень от него далеки. Это скорее дух воинственных викингов,
и, вероятно, к эпохе викингов, периоду широкой военной и переселен-
ческой экспансии скандинавов (IX—XI века), восходит немалая часть
эддического поэтического наследия. Герои песен «Эдды» не озабочены
спасением души, посмертная награда — это долгая память, оставляе-
мая героем среди людей, и пребывание павших в бою витязей в чертоге
Одина, где они пируют и заняты воинскими забавами.

Обращает на себя внимание разностильность песен, трагических
и комических, элегических монологов и драматизированных диалогов,
поучения сменяются загадками, прорицания — повествованиями о на-

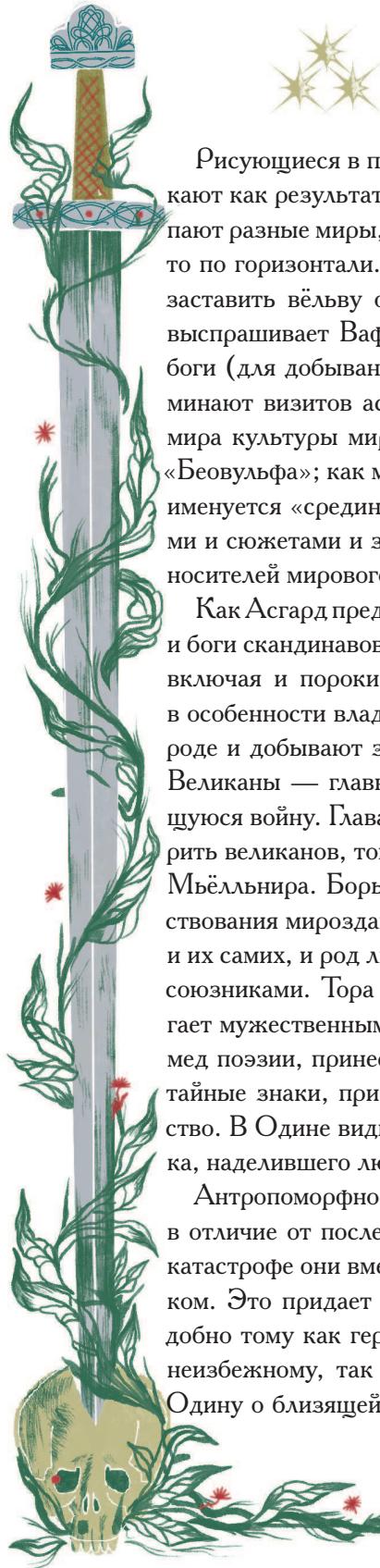

чале мира. Напряженная риторика и откровенная дидактичность многих песен контрастируют со спокойной объективностью повествовательной прозы исландских саг. Этот контраст заметен и в самой «Эдде», где стихи нередко перемежаются прозаическими кусками. Может быть, то были добавленные позднее комментарии, но не исключено, что сочетание поэтического текста с прозой образовывало органическое целое еще и на архаической стадии существования эпоса, придавая ему дополнительную напряженность.

Эддицеские песни не составляют связного единства, и ясно, что до нас дошла лишь часть их. Отдельные песни кажутся версиями одного произведения; так, в песнях о Хельги, об Атли, Сигурде и Гудрун один и тот же сюжет трактуется по-разному. «Речи Атли» иногда истолковывают как позднейшую расширенную переработку более древней «Песни об Атли».

В целом же все эддицеские песни подразделяются на песни о богах и песни о героях. Песни о богах содержат богатейший материал по мифологии, это наш важнейший источник для познания скандинавского язычества (правда, в очень поздней, так сказать, «посмертной» его версии).

Образ мира, выработанный мыслью народов Северной Европы, во многом зависел от образа их жизни. Скотоводы, охотники, рыбаки и мореходы, в меньшей мере земледельцы, они жили в окружении суровой и слабо освоенной ими природы, которую их богатая фантазия легко населяла враждебными силами. Центр их жизни — обособленный сельский двор. Соответственно и все мироздание моделировалось ими в виде системы усадеб. Подобно тому как вокруг их усадеб простирались невозделанные пустоши или скалы, так и весь мир мыслился ими состоящим из резко противопоставленных друг другу сфер: «срединная усадьба» (Мидгард), т. е. мир человеческий, окружена миром чудищ, великанов, постоянно угрожающих миру культуры; этот дикий мир хаоса именовали Утгардом (буквально: «то, что находится за оградой, вне пределов усадьбы»)⁵. Над Мидгардом высится Асгард — твердыня богов — асов. Асгард соединен с Мидгардом мостом, образованым радугой. В море плавает мировой змей, тело его опоясывает весь Мидгард. В мифологической топографии народов Севера важное место занимает ясень Иggдрасиль, связывающий все эти миры, в том числе и нижний — царство мертвых, Хель.

Рисующиеся в песнях о богах драматические ситуации обычно возникают как результат столкновений или соприкосновений, в которые вступают разные миры, противопоставленные один другому то по вертикали, то по горизонтали. Один посещает царство мертвых — для того, чтобы заставить вёльву открыть тайны грядущего, и страну великанов, где выспрашивает Вафтруднира. В мир великанов отправляются и другие боги (для добывания невесты или молота Тора). Однако песни не упоминают визитов асов или великанов в Мидгард. Противопоставление мира культуры миру некультуры общо и для эддических песен, и для «Беовульфа»; как мы знаем, в англосаксонском эпосе земля людей тоже именуется «срединным миром». При всех различиях между памятниками и сюжетами и здесь, и там мы сталкиваемся с темой борьбы против носителей мирового зла — великанов и чудовищ.

Как Асгард представляет собой идеализированное жилище людей, так и боги скандинавов во многом подобны людям, обладают их качествами, включая и пороки. Боги отличаются от людей ловкостью, знаниями, в особенности владением магией, но они — не всеведущи по своей природе и добывают знания у более древних родов великанов и карликов. Великаны — главные враги богов. И с ними боги ведут непрекращающуюся войну. Глава и вождь богов Один и иные асы стараются перехитрить великанов, тогда как Тор борется с ними с помощью своего молота Мьёлльнира. Борьба против великанов — необходимое условие существования мироздания; не веди ее боги — великаны давно погубили бы и их самих, и род людской. В этом конфликте боги и люди оказываются союзниками. Тора часто называли «заступником людей». Один помогает мужественным воинам и забирает к себе павших героев. Он добыл мед поэзии, принеся самого себя в жертву, добыл руны — священные тайные знаки, при помощи которых можно творить всяческое колдовство. В Одине видны черты «культурного героя» — мифического предка, наделившего людей необходимыми навыками и знаниями.

Антропоморфность асов сближает их с богами античности, однако, в отличие от последних, асы не бессмертны. В грядущей космической катастрофе они вместе со всем миром погибнут в борьбе с мировым волком. Это придает их борьбе против чудовищ трагический смысл. Подобно тому как герой эпоса знает свою судьбу и смело идет навстречу неизбежному, так и боги: в «Прорицании вёльвы» колдунья вещает Одину о близящейся роковой схватке. Космическая катастрофа явится

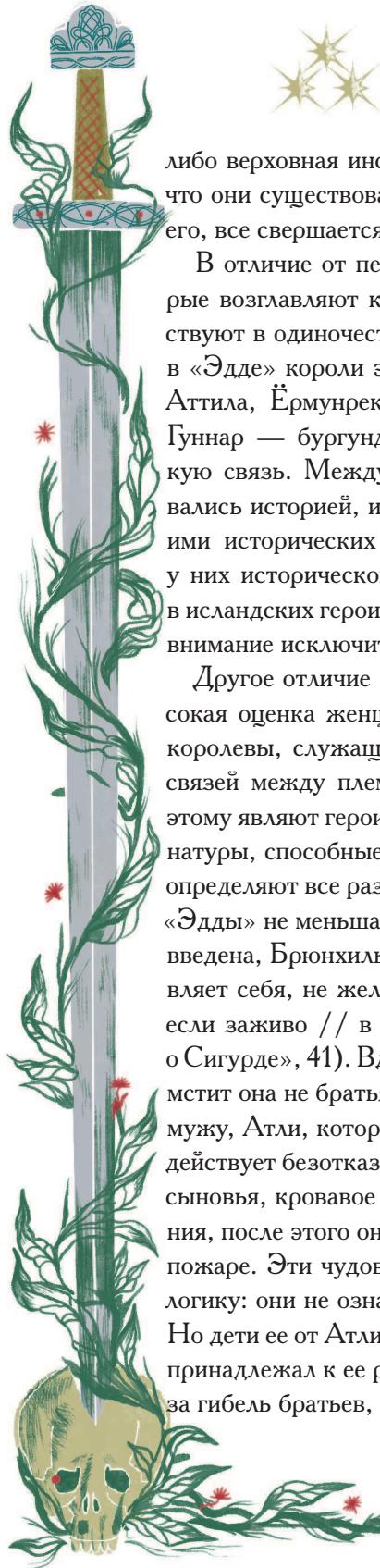
СТАРШАЯ ЭДДА

результатом морального упадка, ибо асы некогда нарушили данные ими обеты, и это ведет к развязыванию в мире сил зла, с которыми уже невозможно совладать. Вёльва рисует впечатляющую картину расторжения всех священных связей: см. строфу 45 ее пророчеств, где предрекается самое страшное, что может случиться с человеком, на взгляд членов общества, в котором еще сильны родовые традиции, вспыхнут распри между родственниками, «братья начнут биться друг с другом...».

Эллинские боги имели среди людей своих любимчиков и подопечных, которым всячески помогали. Главное же у скандинавов — не покровительство божества отдельному племени или индивиду, а сознание общности судеб богов и людей в их конфликте с силами, несущими упадок и окончательную гибель всему живому. Поэтому вместо светлой и радостной картины эллинской мифологии эддические песни о богах рисуют полную трагизма ситуацию всеобщего мирового движения навстречу неумолимой судьбе.

Герой перед лицом Судьбы — центральная тема героических песен. Обычно герой осведомлен о своей части: либо он одарен способностью проникать в будущее, либо ему кто-то открыл его. Какова должна быть позиция человека, знающего наперед о грозящих ему бедах и конечной гибели? Вот проблема, на которую эддические песни предлагают однозначный и мужественный ответ. Знание судьбы не повергает героя в фаталистическую апатию и не побуждает его пытаться уклониться от грозящей ему гибели, напротив, будучи уверен в том, что выпавшее ему в удел неотвратимо, он бросает вызов судьбе, смело принимает ее, заботясь только о посмертной славе. Приглашенный в гости коварным Атли Гуннар заранее знает о подстерегающей его опасности, но без колебаний отправляется в путь: так велит ему чувство героической чести. Отказываясь откупиться золотом от смерти, он гибнет. «...Так должен смелый, кольца дарящий, // добро защищать!» («Гренландская Песнь об Атли», 31).

Но наивысшее благо — добroе имя героя. Все преходящe, гласят афоризмы житейской мудрости, и родня, и богатство, и собственная жизнь, — навсегда остается одна только слава о подвигах героя («Речи Высокого», 76, 77). Как и в «Беовульфе», в эддических песнях слава обозначается термином, который одновременно имел значение «приговор» (древнеисл. dómр, древнеангл. dōm), — герой озабочен тем, чтобы его подвиги не были забыты людьми. Ибо судят его люди, а не какая-

либо верховная инстанция. Героические песни «Эдды», несмотря на то что они существовали в христианскую эпоху, не упоминают суда божьего, все свершается на земле, и к ней приковано внимание героя.

В отличие от персонажей англосаксонской эпопеи — вождей, которые возглавляют королевства или дружины, скандинавские герои действуют в одиночестве. Исторический фон отсутствует⁶, и упоминаемые в «Эдде» короли эпохи Великих переселений [Атли — король гуннов Аттила, Ёрмунрекк — остготский король Германарих (Эрманарих), Гуннар — бургундский король Гундахарий] утратили с историей всякую связь. Между тем исландцы того времени пристально интересовались историей, и от XII и XIII веков сохранилось немало созданных ими исторических сочинений. Дело, следовательно, не в отсутствии у них исторического сознания, а в особенностях трактовки материала в исландских героических песнях. Автор песни сосредоточивает все свое внимание исключительно на герое, на его жизненной позиции и судьбе⁷.

Другое отличие эддического эпоса от англосаксонского — более высокая оценка женщины и интерес к ней. В «Беовульфе» фигурируют королевы, служащие украшением двора и залогом мира и дружеских связей между племенами, но и только. Какой разительный контраст этому являются героини исландских песен! Перед нами — яркие, сильные натуры, способные на самые крайние, решительные поступки, которые определяют все развитие событий. Роль женщины в героических песнях «Эдды» не меньшая, чем мужчины. Мстя за обман, в который она была введена, Брюнхильд добивается гибели любимого ею Сигурда и умерщвляет себя, не желая жить после его смерти: «...не слабой была жена, если заживо // в могилу идет за мужем чужим...» («Краткая Песнь о Сигурде», 41). Вдова Сигурда Гудрун тоже охвачена жаждой мести: но мстит она не братьям — виновникам гибели Сигурда, а своему второму мужу, Атли, который убил ее братьев; в этом случае родственный долг действует безотказно, причем жертвой ее мести падают прежде всего их сыновья, кровавое мясо которых Гудрун подает Атли в качестве угощения, после этого она умерщвляет мужа и погибает сама в запаленном ею пожаре. Эти чудовищные поступки тем не менее имеют определенную логику: они не означают, что Гудрун была лишена чувства материнства. Но дети ее от Атли не были членами ее рода, они входили в род Атли; не принадлежал к ее роду и Сигурд. Поэтому Гудрун должна мстить Атли за гибель братьев, своих ближайших сородичей, но не мстит братьям за

СТАРШАЯ ЭДДА

убийство ими Сигурда, — даже мысль о подобной возможности не приходит ей в голову! Запомним это — ведь сюжет «Песни о nibelунгах» восходит к тем же сказаниям, но развивается совсем иначе.

Родовое сознание вообще господствует в песнях о героях. Сближение различных по происхождению сказаний, как заимствованных с юга, так и собственно скандинавских, объединение их в циклы сопровождалось установлением общей генеалогии фигурирующих в них персонажей. Хёгни из вассала бургундских королей был превращен в их брата. Брюнхильд получила отца и, что еще важнее, брата Атли, вследствие чего ее смерть оказалась причинно связанный с гибелью бургундских Гьюкунгов: Атли завлек их к себе и умертвил, осуществляя кровную месть за сестру. У Сигурда появились предки — Вёльсунги, род, восходивший к Одину. «Породился» Сигурд и с героем поначалу совершенно обособленного сказания — Хельги, они стали братьями, сыновьями Сигмунда. В «Песни о Хюндле» в центре внимания находятся перечни знатных родов, и великанша Хюндля, которая рассказывает юноше Оттару о его предках, открывает ему, что он связан родством со всеми прославленными семьями Севера, в том числе и с Вёльсунгами, Гьюкунгами и в конечном счете даже с самими асами.

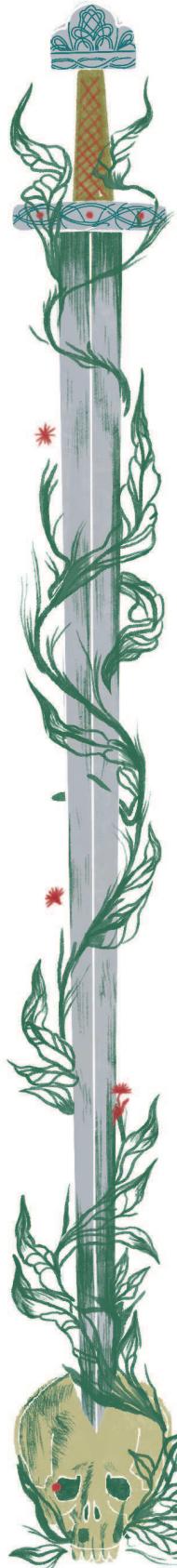
Художественное и культурно-историческое значение «Старшей Эдды» огромно. Она занимает одно из почетных мест в мировой литературе. Образы эддических песен наряду с образами саг поддерживали исландцев на всем протяжении их нелегкой истории, в особенности в тот период, когда этот маленький народ, лишенный национальной независимости, был почти обречен на вымирание и в результате чужеземной эксплуатации, и от голода и эпидемий. Память о героическом и легендарном прошлом давала исландцам силы продержаться и не погибнуть.

А. Я. Гуревич

песни о богах

Прорицание вёльвы⁸

1

Внимайтε мне все
священные роды⁹,
великие с малыми
Хеймдалля дети¹⁰!
Один, ты хочешь,
чтоб я рассказала
о прошлом всех сущих,
о древнем, что помню.

2

Великанов я помню,
рожденных до века,
породили меня они
в давние годы;
помню девять миров
и девять корней
и древо предела¹¹,
еще не проросшее.

3

В начале времен,
когда жил Имир,
не было в мире
ни песка, ни моря¹²,
земли еще не было
и небосвода¹³,
бездна зияла,
трава не росла¹⁴.

4

Пока сыны Бора¹⁵,
Мидгард¹⁶ создавшие
великолепный,
земли не подняли,

солнце с юга
на камни светило,
росли на земле
зеленые травы.

5

Солнце, друг месяца¹⁷,
правую руку
до края небес
простирало с юга;
солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей.

6

Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали священные,
ночь назвали
и отпрыскам ночи¹⁸ —
вечеру, утру
и дня середине —
прозвище дали,
чтоб время исчислить.

7

Встретились асы
на Идавёлль-поле,
капища стали
высокие строить,
сил не жалели,

ПРОРИЦАНИЕ ВЁЛЬВЫ

ковали сокровища,
создали клещи,
орудья готовили.

8

На лугу, веселясь,
в тавлеи играли,
все у них было
только из золота, —
пока не явились
три великанши¹⁹,
могучие девы
из Ётунхейма²⁰.

9

Тогда сели боги
на троны могущества
И совещаться
стали священные:
кто должен племя
карликов сделать
из Бримира²¹ крови
И кости Блаина.

10²²

Мотсогни старшим
из племени карликов
назван тогда был,
а Дурин — вторым;
карлики много
из глины слепили
подобий людских,
как Дурин велел.

11

Нии и Ниди,
Нордори и Судри,

Аустри и Вестри,
Альтиов, Двалин,
Бивёр и Бавёр,
Бёмбур, Нори,
Ан и Анар,
Аи, Мьёдвитнир,

12

Гандалльв и Вейг,
Виндалльв, Траин,
Текк и Торин,
Трор, Вит и Лит,
Нар и Нюрад —
вот я карликов —
Регин и Радсвинн
всех назвала.

13

Фили и Кили,
Фундин, Нали,
Хефти, Вили,
Ханар, Свиор,
Фрап и Хорнбори,
Фрег и Лони,
Аурванг, Яри,
Эйкинскъяльди.

14

Еще надо карликов
Двалина войска
роду людскому
назвать до Ловара;
они появились
из камня земли,
пришли через топь
на поле песчаное.